

Марина Айямэй

**Дождись меня. Сёстры.
Там, где стоял город**

Дождись меня.

Марина Айямэй

**Дождись меня. Сёстры.
Там, где стоял город**

«Автор»

2026

Айямэй М.

Дождись меня. Сёстры. Там, где стоял город / М. Айямэй —
«Автор», 2026 — (Дождись меня.)

Они исчезли из московской квартиры в одно мгновение. Очнулись — на берегу реки, в деревянном городе, которого нет ни на одной карте. 1234 год. До монгольского нашествия пять лет. Рената уже проходила сквозь время и знает цену. Полина — нет. Но именно ей предстоит встретить человека, который ждал её почти тридцать лет. Он не знал её лица. Знал только одно: имя.

© Айямэй М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Марина Айямэй

Дождись меня. Сёстры.

Там, где стоял город

Глава

Пролог: Там, где стоял город

Москва, октябрь 2028 года.

Дождь барабанил по подоконнику методично и уныло, словно отсчитывал последние минуты обычной жизни. Рената стояла у окна в своей новой квартире и смотрела, как серые струи размывают очертания московских многоэтажек. Прошло два года с тех пор, как она вернулась. Два года с того немыслимого дня, когда она открыла глаза в больничной палате и поняла, что прожила целую жизнь в девятнадцатом веке. Тогда её тело оставалось здесь — в коме. А она была там, словно копия себя. Умереть, чтобы вернуться. Таков механизм путешествия в будущее?

Рената поёжилась и поплотнее запахнула кардиган. Воспоминания о прошлом никогда не покидали её полностью. Запах печного дыма, вкус ржаного хлеба, тяжесть Мавры на руках... Всё это было с ней. Всегда.

— Мам, там дядя Андрей пришел! — голос Алины, теперь уже семнадцатилетней, вырвал её из задумчивости. — Говорит, что-то важное принёс.

Андрей Князев, археолог и троюродный брат её мужа, работал на раскопках древнерусских городищ во Владимирской области. Через несколько минут они сидели за столом — Рената, Андрей и подросшая Полина, которая забежала проведать сестру после смены в ветклинике.

Андрей поставил на стол небольшую картонную коробку.

— Это с последних раскопок. Мы копали на месте Ярополча-Залесского. Того самого, что монголы сожгли в 1239 году. Города давно нет. Мы стоим на холме, поросшем соснами, а под ногами — только земля, и в ней — угли, обгорелые брёвна, остатки частокола. Восемь веков прошло, а пожар всё ещё чувствуется. Это место называют «Вязниковские венцы» — представляете, какая там высота? И вот на этой высоте, под слоем дёрна, мы нашли это.

Он открыл коробку. Внутри лежала хирургическая пила из нержавеющей стали — одна из тех, что используются в современной ветеринарии. Металл был покрыт царапинами и следами высокотемпературного воздействия. Словно побывал в пожаре. Том самом, что уничтожил город.

— Это же костная пила, — Полина резко выпрямилась. — У меня почти такая же в операционной. Но как она могла оказаться в раскопе? Такие инструменты появились намного позже, так ведь? ...

— Вот и я о том же, — Андрей понизил голос. — Этот инструмент пролежал в земле восемьсот лет. Ни следа коррозии. Такое впечатление, что его обронули в горящем городе.

Рената взяла пилу в руки. Металл был холодным и неожиданно тяжёлым. Восемь лет назад она нашла в сундуке Мелентия письмо с Ленинградского фронта и испытала то же чувство разрыва ткани реальности. То же ощущение, что время — не прямая линия, а кольцо. И что кто-то очень хочет, чтобы она это кольцо замкнула.

В следующий миг пила в её руках начала нагреваться. Сперва едва заметно, потом всё сильнее, и вскоре металл стал обжигающим. В комнате запахло озоном и гарью.

— Рената, что происходит?! — Полина вскочила.

Пила засветилась оранжевым, пульсирующим светом. Полина бросилась к сестре, схватила её за руку — и свет охватил их обеих. Мир вокруг завертелся, теряя очертания. Последнее, что успела подумать Рената, прежде чем тьма поглотила её: «Это не так, как в прошлый раз. Мы исчезаем... полностью».

Андрей остался стоять в опустевшей кухне. Сестры исчезли физически. Он дрожащей рукой набрал номер Ермолая. В трубке повисла тишина, а потом раздался спокойный голос человека, который уже однажды терял и находил: «Я знаю, что делать. Жди меня».

Так закончилась их жизнь в двадцать первом веке и начался путь туда, где на семи холмах над Клязьмой стоял деревянный город, ещё не знающий своей судьбы.

Глава 1: Город на семи холмах

Холод и запах мокрой земли. Это было первое, что почувствовала Полина, когда сознание начало возвращаться. Она лежала на чём-то жёстком и колком — прошлогодней хвое вперемешку со мхом, — а над головой висело серое, затянутое низкими осенними тучами небо. Где-то далеко, на грани слышимости, перекликались птицы, и ветер шумел в вершинах сосен. Тело болело так, словно его долго и методично избивали — каждая мышца ныла, каждое движение отдавалось болью в суставах.

— Тихо. Лежи тихо. Не двигайся пока.

Голос сестры. Полина с трудом разлепила веки. Рената сидела рядом на корточках, и выражение её лица — сосредоточенное, мрачное, но без тени паники — испугало Полину больше, чем собственная боль.

— Рена... что... где мы?

— Мы провалились. Сквозь время. В прошлый раз моё тело осталось там, в Москве. Я была наполовину там, наполовину в прошлом. В этот раз нас перебросило целиком. И физически, и всё остальное. Если мы умрём здесь — мы умрём по-настоящему. Окончательно.

Полина села, несмотря на головокружение, — и замерла.

Перед ней расстился пейзаж, которого она никогда не видела, но который странным, глубинным образом казался ей знакомым. Они находились на опушке густого смешанного леса. Позади, насколько хватало глаз, уходили вдаль тёмные ельники и золотисто-багряные дубравы, тронутые первой осенней желтизной. Под ногами, на влажной земле, атели россыпи поздней брусники. Воздух был холодным, по-октябрьски прозрачным, и пахло в нём хвоей, прелой листвой и дымом далёких печных топок. А впереди, за широкой лентой реки, на высоких холмах, поднимался город.

Полина ожидала увидеть что-то похожее на иллюстрации из школьных учебников — белокаменные соборы, златоглавые башни, кремлёвские стены, знакомые каждой русской душе. Но ничего этого не было.

Город был деревянным.

Высокий земляной вал, укреплённый частоколом из заострённых, врытых глубоко в землю дубовых брёвен, опоясывал холм, повторяя его естественные очертания. Брёвна, потемневшие от дождей и времени, плотно прилегали друг к другу, а их верхушки были заточены, как гигантские копыта. Над частоколом, через равные промежутки, поднимались сторожевые башни — рубленые, приземистые, с покатыми коническими крышами, крытыми тёсом и дранкой. В провалах бойниц темнели настороженные силуэты дозорных.

За валом, на самой вершине холма, виднелся детинец — внутренняя крепость, огороженная ещё одним кольцом частокола. Там, в детинце, угадывались срубы княжеских теремов — высокие, в два яруса, с резными наличниками на узких, забранных бычьим пузырём окнах. Рядом темнела небольшая деревянная церковь — клетская, рубленая из толстых брёвен, с главкой, обитой осиновым лемехом, тускло поблёскивавшим в рассеянном свете. Ни золота, ни белого камня — только дерево и земля.

Вокруг детинца, спускаясь по склонам холмов к самой реке, лепились избы посада — десятки, может быть, сотни домов. Одни — покрупнее, срубленные в обло, с высокими крыльцами и резными коньками на крышах. Другие — приземистые, с подслеповатыми оконцами, над которыми курились дымы. Над городом стоял тот особенный, ни с чем не сравнимый запах, который Полина не могла опознать сразу и лишь позже поняла: печной дым, дёготь, сыромятная кожа, ржаной хлеб, речная вода и близкий скот. Запах жизни, ещё не знающей ни газа, ни электричества.

— Ярополч-Залесский, — тихо сказала Рената. — Таким его не рисуют в учебниках. Никаких белых стен, никаких каменных соборов. Просто дерево и земля. Но посмотри, Поля... посмотри, какой он мощный. Настоящая крепость.

Полина смотрела на город и чувствовала, как к горлу подступает ком. Она вдруг совершенно отчётливо представила, как этажи деревянных стен обрушатся в огне, как почернеет от копоти лемех церковной главки, как над пепелищем вырастут сосны. Вспомнила рассказы Андрея. Через несколько лет этот город исчезнет.

— Какой сейчас год? — прошептала она.

— Не знаю.

Полина хотела спросить, но тут со стороны реки донёсся конский топот. Из-за прибрежных кустов — густого ивняка, ещё не облетевшего, — выехали всадники. Пятеро. Кони под ними были невысокими, мохноногими, с широкими грудями — не то что породистые скакуны, но крепкие, привычные к долгим переходам и лесным тропам. Всадники сидели в сёдлах прямо, уверенно.

Одеты они были не в ту бахрому и латы, какие рисовало воображение при слове «древнерусский воин». На старшем — кольчуга до середины бедра, сплетённая из мелких, тускло поблёскивающих колец, надетая поверх толстой стёганой рубахи. На плечи наброшен короткий шерстяной плащ, застёгнутый у горла бронзовой фибулой. На голове — островерхий шлем с наушами, на ногах — кожаные поршни, стянутые сыромятными ремешками. Остальные были одеты попроще: кольчуги подлиннее, у кого-то — только стёганый доспех, усиленный нашитыми железными пластинами, шлемы без украшений. Но у каждого на поясе висел меч или длинный боевой нож, а в руках — копьё с листовидными наконечниками.

— Чёрт, — выдохнула Рената. — Поля, слушай меня внимательно. Что бы ни случилось, молчи. Говорить буду я.

Всадники приближались. Один из них, широкоплечий и рыжебородый, придержал коня и уставился на женщин с откровенным изумлением — так, словно увидел не путниц, а выходцев с того света.

— Кто такие? — крикнул он. Голос у него был грубый, привыкший перекрикивать ветер и лязг оружия. — Откуда взялись?

Рената поднялась и вышла вперёд, заслоняя сестру. Полина осталась сидеть на земле, чувствуя, как колотится сердце. Она смотрела на этих людей из другого времени — на их обветренные лица, на грубые, натруженные руки, сжимающие древки копий, на то, как они держатся в седле, — и понимала: всё, что было раньше, кончилось. Их прежняя жизнь осталась где-то за непроницаемой завесой времени.

Рыжебородый спрыгнул с коня, подошёл ближе. Оглядел обеих — пристально, без тени смущения, как осматривают товар на торгу. Потом хмыкнул и повернулся к своим:

— Странные. Одежда наша, а говор... не разберу я их говора. Не наши они.

— Может, лазутчики? — подал голос второй, молодой, с едва пробивающейся бородкой.

— Лазутчики без оружия? — рыжебородый покачал головой. — Ладно, пусть воевода разбирается. Свяжите им руки — и в город. Да не туго, — добавил он, глянув на Полину, которая всё ещё сидела на земле бледная и оглушённая. — Бабы, кажись, не опасные. Но бережёного Бог бережёт.

Им стянули запястья грубой пеньковой верёвкой — не больно, но достаточно крепко, чтобы не вырваться. Рената шла первой, высоко подняв голову и глядя прямо перед собой. Полина — следом, спотыкаясь о корни и кочки, ещё не до конца веря в реальность происходящего. Всадники окружили их полукольцом и тронулись к броду. Впереди, над частоколом и башнями, поднимались дымы незнакомого, чужого, но странным образом манящего города. А где-то там, в детинце, их уже ждал человек, которому суждено было изменить всё.

А здесь, на семи холмах над Клязьмой, начиналась другая жизнь.

Глава 2: Воевода и его собака

В горницу их ввели через низкую, обитую железными полосами дверь, перед которой пришлось пригнуться даже женщинам — настолько непривычно низкими были притолоки в этой древней постройке. Полина, перешагнув порог, первым делом вдохнула густой, многослойный запах, совершенно непохожий на стерильную атмосферу её ветеринарной клиники.

Здесь пахло деревом — тёплым, смолистым, тем особым запахом, какой бывает только в домах, срубленных из сосны и протопленных годами. Пахло дымом — не едким, а мягким, вьёвшимся в стены и потолочные балки, потому что топили здесь по-чёрному, и дым выходил не в трубу, а в волоковое оконце под самым потолком. Пахло овчиной от разложенных на лавках шкур, воском от оплывших свечей в кованых поставцах, сушёными травами, подвешенными пучками к матице — центральной потолочной балке, — и больным животным. Этот последний запах Полина узнала сразу: сладковатый, тяжёлый, с примесью застарелой шерсти. Где-то рядом была крупная собака, и она страдала.

Горница освещалась скудно. Свет проникал через два узких, забранных бычьим пузырьём оконца, которые почти не пропускали дневных лучей, и через трепещущее пламя масляных светильников — глиняных плошек с фитилями, плавающими в конопляном масле. По углам горницы, на деревянных резных столбиках, стояли ещё и кованые свечники — в каждом по толстой, неровно оплывающей восковой свече. Этого хватало, чтобы выхватить из полумрака главное, но всё остальное тонуло в густой, колеблющейся тени.

Стены горницы были сложены из толстых, тщательно подогнанных брёвен, проконопаченных мхом. Вдоль стен тянулись широкие лавки, покрытые домоткаными половиками и овчинами. На лавках лежали подушки, набитые овечьей шерстью, — грубоватые, но, видимо, привычные для хозяина. В красном углу, прямо напротив входа, тускло поблёскивал небольшой иконостас: три образа в серебряных окладах, перед ними — лампада на цепочке, выкованной в форме змеи. Под иконами стоял резной аналой с раскрытой книгой в потемневшем кожаном переплёте.

Пол в горнице был дощатым, не крашеным, но чисто выскобленным — доски от времени приобрели тёплый медовый оттенок. Кое-где лежали плетёные из рогоза циновки. В дальнем углу, на возвышении, темнела большая печь, сложенная из серого камня и обмазанная глиной. Она была не такой, как русские печи более поздних веков, — приземистая, с широким устьем, над которым на жердях сушились пучки трав и связки лука. Рядом с печью на гвозде висел медный рукомойник с носиком в виде петушиной головы.

Посреди горницы стоял массивный дубовый стол на точёных ножках, покрытый скатертью грубого льна с вышитыми по краю красными петухами. На столе — глиняная корчага с квасом, деревянные резные ковши, блюдо с ломтями ржаного хлеба и горсть соли на глиняном черепке. А во главе стола, на стуле с высокой резной спинкой — не на лавке, как у прочих, а именно на стуле, что само по себе было знаком власти, — сидел человек.

Лет сорока. Широкоплечий, с мощной шеей и крупными, рублеными чертами лица, по которому сразу читалась порода. Седины в густой русой бороде было больше, чем на висках, и она серебрилась в свете свечей, как иней. Одет он был не в простую рубаху, какую Полина ожидала увидеть, а в богатую белую сорочку из тонкого льна, расшитую по вороту и рукавам алым шёлком — узором, напоминающим переплетённые волны и ростки. Поверх сорочки была наброшена короткая, едва до середины бедра, соболья шуба — мех на ней лоснился в свете свечей тёмным, почти чёрным блеском. Шуба была не застёгнута, а придерживалась на груди массивной серебряной застёжкой с зернью — крошечными металлическими шариками, образующими треугольный орнамент.

На поясе у него висел меч — не длинный рыцарский, а прямой, обоюдоострый, с массивным навершием, украшенным чернью. Ножны были обтянуты тёмной кожей и схвачены серебряными обручами. Сапоги — короткие, из мягкой дублёной кожи, без каблуков, расшитые по голенищу цветной нитью. На пальце правой руки тускло поблёскивал перстень — не золотой, а серебряный, с крупным тёмно-красным гранатом.

У его ног, на ворохе свежей соломы, лежала собака. Огромный серый волкодав с проседью на морде и лапах. Пёс тяжело дышал, высунув язык, и тихо, почти беззвучно поскуливал — так, как скулят от боли старые, терпеливые звери, привыкшие не жаловаться.

— Кого привели? — спросил воевода. Голос у него оказался низким, с лёгкой хрипотцой — голос человека, который много говорит на ветру и морозе.

— Двух баб нашли у реки, воевода, — доложил старший дружинник, тот самый рыжебородый, что пленил их на берегу. Теперь, в замкнутом пространстве горницы, он казался ещё огромнее, его кольчуга позвякивала при каждом движении, а от мокрого плаща пахло речной водой и конским потом. — Говорят, из-под Владимира, из ремесленных. Обоз у них разграбили, родичи побиты. Одежда наша, а говор... не понимаю я их говора, Григорий Степанович. Не наши они.

Полина вздрогнула. Григорий. Его зовут Григорий. Она подняла глаза и впервые внимательно посмотрела в лицо воеводе. И внутри у неё всё оборвалось.

Он был поразительно похож на её мужа.

Не точная копия, нет. Её Гриша был моложе, мягче, без этих шрамов и без этой властной тяжести во взгляде. Но серо-голубые глаза — глаза человека, привыкшего смотреть вдаль, — разлёт бровей, линия подбородка, даже манера чуть склонять голову набок, слушая собеседника, — всё это было знакомо до мурашек, до дрожи в пальцах. словно кто-то взял лицо её мужа и переписал его заново — грубее, старше, суровее, но сохранив тот же самый остов.

Рената, заметив это, едва заметно коснулась её локтя — предупреждающий жест.

— Мы говорим правду, воевода, — сказала она громко и чётко. — Мы — сёстры. Отец наш был кузнецом во Владимире. Обоз наш в лесу разбойники перехватили, всех побили, добро забрали. Мы вдвоём спаслись чудом. Я — Рената, она — Полина. Мы не лазутчики. Мы просто пытаемся выжить.

Воевода слушал, не перебивая. Его глаза переходили с одной женщины на другую — цепкие, оценивающие, но не враждебные. Потом он поднялся — легко, пружинисто, несмотря на грузное сложение, — и шагнул к ним. Соболья шуба соскользнула с плеча, но он не поправил

её. Остановился прямо перед Полиной. Теперь он был так близко, что она чувствовала запах его тела — дым, выделанная кожа, хвоя и что-то ещё, неуловимое, мужское.

— Рената и Полина, — повторил он, пробуя имена на вкус. — Имена не владимирские. Новгородские, скорее. Или ещё откуда подальше. И говор у вас... книжный. Будто писцы княжеские, а не кузнецовы дочери. Кто вы на самом деле?

Он смотрел на Полину в упор. Она чувствовала этот взгляд кожей — тяжёлый, но не грубый, скорее испытующий.

— Ты, — сказал он тихо. — Посмотри на меня.

Полина подняла глаза.

— Ты боишься, — произнёс воевода. — Но боишься ты не меня. Ты боишься этого места. Этого города. Как будто... ты пришла оттуда, где такого не видели.

Полина, не выдержав его взгляда, опустила глаза и посмотрела на собаку. Пёс заскулил громче, попытался подняться, но не смог. Его живот был туго вздут, как барабан, дыхание — частым и поверхностным, с присвистом.

— У вашей собаки заворот кишок, — сказала она, не думая о последствиях. — Скорее всего. Ему нужна помощь. Срочно.

В горнице повисла такая тишина, что стало слышно, как за печью трещит сверчок. Другинники переглянулись. Один из них — тот самый молодой, с едва пробивающейся бородкой, — суеверно перекрестился.

— Ты понимаешь, что с ним? — медленно спросил воевода. — Без осмотра, без знахарки?

— Я умею лечить животных, — сказала Полина, поднимая глаза. — Это моё ремесло. Не колдовство. Просто знание.

Воевода долго смотрел на неё. Потом перевёл взгляд на пса.

— Третий день мучается. Знахарка была, заговоры читала — не помогло. Отец Мефодий молитву читал — не помогло. Если ты можешь помочь — помоги. Проси что хочешь.

Полина переглянулась с Ренатой. Та едва заметно кивнула.

— Мне нужна чистая вода, тряпки и что-нибудь от спазмов. Мята, ромашка — что есть.

— Принести! — коротко приказал воевода.

Полина опустилась на колени рядом с собакой. Солома под коленями была тёплой и пахла летом. Она осторожно ощупала живот — твёрдый, вздутый, болезненно реагирующий на малейшее прикосновение. Пёс заскулил, но не оскалился, не попытался укусить. Только смотрел на неё слезящимися, мутными от старости глазами — глазами зверя, который уже смирился с болью, но ещё надеется на человека.

— Хороший пёс, — прошептала она, поглаживая его по голове, за ушами, по седой морде. — Хороший. Потерпи. Я помогу.

Когда принесли воду и травы, она растёрла мяту в пальцах, заварила слабый настой и аккуратно, по каплям, влила его в пасть собаки. Затем начала осторожно массировать живот — круговыми движениями, по ходу кишечника, как учили в академии много лет назад. Руки делали привычную работу, и от этого Полине самой становилось спокойнее. Она не знала, поможет ли массаж при настоящем завороте — без операции шансы были невелики, — но другого выхода не было. Пёс дышал всё так же тяжело, но скулить перестал.

— Ему нужен покой, — сказала она, поднимаясь с колен. — И куриный бульон, когда станет легче. Никакого мяса, никаких костей. Если к утру не отпустит, я попробую другое.

Воевода кивнул. Потом опустился на колени рядом с псом — тяжело, по-мужски, — и провёл широкой ладонью по его седой морде. Жест был бережным, почти нежным, и на мгновение из сурового воина он превратился в человека, который боится потерять старого друга.

— Это Буян, — сказал он тихо. — Я с ним десять лет. Он меня из сечи вынес — раненого, на себе. До самого дома тащил. Если спасёшь — будет вам и кров, и защита.

Он поднялся и повернулся к дружинникам:

— Отведите к отцу Мефодию. Пусть приютит. И пусть расспросит. А эту, — он кивнул на Полину, — завтра ко мне. Пса проведать.

Когда их выводили из горницы, Полина оглянулась. Воевода стоял у окна и смотрел им вслед. В колеблющемся свете масляных ламп его лицо казалось почти мистическим — лицо человека, который знает больше, чем говорит. Который ждал. Ждал их.

Над Ярополчем-Залесским опускалась ночь. Где-то за частоколом лаяли собаки, перекликались дозорные на башнях, и ветер нёс над Клязьмой запах дыма, смолы и приближающейся зимы.

Вечером, в доме священника, сёстры впервые за много часов остались вдвоём. Им отвели крошечную каморку за печью — низенькую, с земляным полом, устланным соломой и овчинами. Сквозь узкое оконце под потолком виднелся клочок тёмно-синего неба и одна-единственная звезда.

— Ты с ума сошла, — прошептала Рената. — А если бы не получилось? Если бы пёс сдох у тебя на руках?

— Но не сдох же, — тихо ответила Полина. — Рената... ты видела его лицо? Он похож на Гришу. Моего Гришу. На мужа. И он смотрел на меня так, будто... знал. Всегда знал.

Рената промолчала.

Воевода Григорий сидел у постели старого пса и думал о женщине, которую ждал двадцать восемь лет. Сегодня он наконец увидел её лицо.

Глава 3: Под кровом отца Мефодия

Дом отца Мефодия стоял на краю детинца, примыкая к небольшой деревянной церкви, срубленной из толстых, потемневших от времени сосновых брёвен. Церковь эта была клетской — самой простой постройки: прямоугольный сруб, крытый тёсом, с единственной главкой, обитой осиновым лемехом, который в лунном свете отливал тусклым серебром. Ни тебе каменной резьбы, ни золочёных куполов — только дерево, доживающее свой век под ветрами и дождями. Но при этом в её облике было что-то суровое, надёжное, почти живое. Словно церковь не построили, а она сама выросла из этой земли вместе с соснами и дубами.

Крыльцо было высоким, с резными столбиками, на которых угадывались фигуры грифонов и переплетённых змей — отголоски того, ещё полуязыческого, искусства, что продолжало жить в руках владимирских плотников даже два века спустя после крещения. Над дверью висел деревянный крест, вырезанный из цельного куска дуба, — простой, без оклада, потемневший от дождей и времени. Рядом с крыльцом, под навесом, висело било — толстая дубовая доска с рукоятью и верёвочной петлёй, заменявшая колокол. В больших городах уже лили бронзу, но здесь, в лесном Ярополче, до сих пор сзывали прихожан на службу глухим деревянным стуком.

Дружинники, не церемонясь, застучали в дверь. Через минуту она отворилась, и на пороге показался человек, которого Полина меньше всего ожидала увидеть в роли сурового священника домонгольской Руси.

Отец Мефодий был высокий, худощавый, с длинными, собранными в хвост волосами цвета воронова крыла и небольшой, аккуратно подстриженной бородой, которая делала его лицо не суровым, а скорее благородным. Его глаза — тёмные, живые, с лукавым прищуром — смотрели на мир не с монашеской отрешённостью, а с острым, пытливым любопытством. Так смотрит книжник, привыкший задавать вопросы и не удовлетворяться простыми ответами.

Одет он был не в чёрную рясу, какую ожидала увидеть Полина по более поздним фильмам и книгам, а в простую, хоть и добротную, рубаху серого сукна, подпоясанную кожаным ремнём с медными бляшками. Поверх рубахи была наброшена короткая мантия без рукавов — фелонь, как позже узнала Полина, — но не та торжественная, расшитая золотом, в каких служат литургию, а повседневная, из тёмно-коричневой шерсти, с простым крестом, вышитым на груди красной нитью. На ногах — такие же кожаные поршни, как у всех в этом городе, только поновее. Единственным признаком его сана, помимо фелони, был большой деревянный наперсный крест на шёлковом шнурке — резной, с едва различимыми от времени фигурами святых.

— Никак гости? — спросил он, окидывая взглядом дружинников и двух растрёпанных женщин за их спинами. Голос у него оказался приятным, с лёгкой хрипотцой — словно он много читал вслух или много пел. — Да ещё и под стражей? Фрол, ты опять кого-то за лазутчиков принимаешь?

Старший дружинник, тот самый рыжебородый, хмуро сплюнул на землю:

— Не моя воля, отче. Воевода велел к тебе определить. Бабы эти странные. Из-под Владимира будто бы, обоз у них разграбили. Но говорят чудно, и одна из них, — он кивнул на Полину, — воеводского пса взялась лечить. Воевода сказал: пусть поживут пока у тебя, а ты чтоб расспросил их хорошенько. Может, выведаешь, кто они на самом деле.

— Что ж, воеводе виднее, — отец Мефодий посторонился, пропуская гостей. — Оставляй, Фрол. Дальше я сам.

Дружинники, явно довольные тем, что сбыли с рук странную обузу, быстро удалились, звякая кольчугами и переговариваясь вполголоса. Сестры остались на крыльце вдвоём со священником. Тот оглядел их ещё раз — уже без дружинников, пристальнее, словно оценивая не то, что видят все, а то, что спрятано глубже, — и кивнул:

— Заходите. Не на пороге же стоять.

Внутри дом отца Мефодия оказался удивительно уютным — особенно по сравнению с тем, что Полина ожидала увидеть в жилище средневекового священника. Никакого аскетизма, никакой монашеской суровости. Просто дом образованного, много читающего человека, который ценит тепло и порядок.

Большая печь, сложенная из серого камня и обмазанная глиной, занимала почти половину горницы. Она была не просто очагом, а целым сооружением: с лежанкой, на которой можно было спать в самые лютые морозы, с нишами-печурками для сушки трав и мелкой утвари, с чугунной заслонкой, расписанной белыми крестами. От печи волнами расходилось сухое, ровное тепло, и Полина, сама того не заметив, потянулась к нему.

На полатах, устроенных под самым потолком, лежали овчины и шерстяные одеяла. У стены стоял грубо сколоченный, но чисто выскобленный дубовый стол, а над ним, на полках из неструганных досок, теснились книги. Настоящие книги в кожаных переплётах, с медными застёжками и угольниками — десятка полтора, не меньше. Полина, привыкшая к бесконечным книжным магазинам и электронным читалкам, поймала себя на мысли, что никогда прежде не видела столько древних манускриптов в одном месте. Для XIII века это было несметное, почти княжеское богатство. Каждая такая книга стоила целого стада коров или небольшой деревеньки. И все они были здесь, в доме простого священника.

Пахло в горнице воском и сушёными травами — пучки мяты, зверобоя, ромашки и ещё каких-то незнакомых стеблей висели под потолком и на жердях у печи, распространяя горьковатый, успокаивающий аромат. Пахло ладаном — но не тем фабричным, к которому Полина привыкла в современных церквях, а настоящим, привозным, драгоценным, источавшим густой, сладковато-смолистый дух. Пахло чернилами — кисловатым отваром дубовых орешков, которым, как она позже узнает, заправляли чернильницы. И ещё пахло свечным вос-

ком, сухим деревом рассохшихся переплётов и чем-то трудноуловимым — запахом старого, обжитого дома, который помнит многих.

— Садитесь, — сказал священник, кивая на лавку у стола, покрытую домотканым половиком. — Есть хотите? У меня похлёбка с утра осталась.

Сёстры переглянулись. Они не ели с того самого момента, как пили чай в московской квартире, — а это было в другом времени, в другом мире.

— Спасибо, — тихо сказала Рената. — Мы были бы благодарны.

Отец Мефодий достал из печи чугунок, обёрнутый тряпицей, разлил по глиняным мискам густую, пахнущую грибами и кореньями похлёбку, нарезал толстыми ломтями ржаной хлеб — тяжёлый, душистый, с хрустящей коркой. Сам сел напротив, подпёр голову рукой и принялся наблюдать, как гости едят.

— Значит, из-под Владимира, — произнёс он задумчиво, когда первый голод был утолён. — Кузнецовы дочери. А скажите-ка мне, кузнецовы дочери, в каком году князь Юрий Всеволодович на владимирский стол сел?

Рената, не ожидавшая такого вопроса, чуть не поперхнулась. Она лихорадочно перебирала в памяти всё, что знала о владимирских князьях. Юрий Всеволодович... Он же в битве на Сити погиб? Но когда он сел на стол?

— Не помним, — спокойно сказала она, не дав паузе затянуться. — Мы люди простые, не княжых счетов. Отец наш мечом да плугом кормился, а не летописями.

— А кто сейчас епископом во Владимире? — не унимался Мефодий.

— Митрофан, — неожиданно для самой себя ответила Полина.

Она сама не поняла, откуда взялось это знание. Может быть, читала когда-то в одной из книг Ренаты, может, попадалась статья в интернете. Но имя всплыло само — из той глубины памяти, где оседают, казалось бы, забытые факты.

Отец Мефодий прищурился:

— Верно. Епископ Митрофан. А я уж думал, вы и этого не знаете. Что ж, кузнецовы дочери, одну проверку вы прошли. — Он откинулся на лавке и сложил руки на груди. — Но не думайте, что я поверил в вашу легенду. Я много книг прочёл. И не только святых. Есть у меня и травники, и лечебники, и даже одна греческая рукопись — о том, как мир устроен. Я знаю, что люди бывают разные, и языки у них разные. Но ваш говор... — он покачал головой. — Я таких слов, как вы давеча у воеводы роняли, ни в одной книге не встречал. Даже у греков. Так что давайте начистоту: кто вы? Беглые монахини? Заморские гости? Или... что-то иное?

Повисла тишина. Полина смотрела в свою миску. Рената молчала, и только желваки на её скулах выдавали внутреннее напряжение. Сверчок за печью трещал размеренно и громко. Где-то далеко, за стенами дома, перекликались дозорные на башнях.

И тут Полина, сама не зная почему, решилась.

— А вы верите, — спросила она тихо, — что можно пройти сквозь время? Не в будущее — в прошлое?

Отец Мефодий замер. Его тёмные глаза на мгновение расширились, потом сузились, став похожими на две щёлочки.

— В Писании сказано: «У Господа один день как тысяча лет, и тысяча лет как один день», — произнёс он медленно, словно размышляя вслух. — И я читал у греческих философов, что время — это не стрела, а круг. Что всё уже было и всё ещё будет. Но чтобы простой человек прошёл сквозь него... — он покачал головой. — Это было бы великим чудом. Или великим колдовством.

— Мы не колдуньи, — сказала Рената, вступая в разговор. — Мы сами не понимаем, как это случилось. Но мы из другого времени. Из далёкого будущего. Из такого далёкого, что вы и представить себе не можете.

Она говорила тихо, спокойно, но в её голосе звенела такая искренность, такое нагое, незащищённое признание, что отец Мефодий не перебил, не рассмеялся, не вскочил с криком «ересь». Он слушал, и лицо его, освещённое колеблющимся пламенем масляного светильника, становилось всё серьёзнее и задумчивее.

— В будущем, — повторил он. — На сколько лет вперёд?

— На восемьсот наверное, — тихо ответила Полина.

Отец Мефодий медленно, истово перекрестился.

— Почему наверное, — переспросил он. - Какой сейчас год?

Девушки переглянулись, пожав плечами. - Мы не знаем какой сейчас год.

Он встал и подошёл к полке с книгами. Долго стоял к ним спиной, словно размышляя. Потом повернулся.

— 1234 сейчас год. А знаете, что самое странное? — спросил он. — Я вам верю.

— Почему? — выдохнула Полина.

— Потому что вы не похожи на сумасшедших, — просто ответил священник. — И потому что в ваших глазах — правда. Странная, невозможная, но правда. А ещё... — он запнулся, словно решаясь на что-то, — ещё мне было видение. Неделю назад. Во сне явился старец с ликом, сияющим, как солнце, и сказал: «Готовься, Мефодий. Скоро придут две женщины из-за края времени. Прими их, ибо через них спасётся род твой».

В горнице стало так тихо, что слышно было, как за окном ветер шевелит соломенную кровлю.

— Я тогда подумал — бесовское наваждение, — продолжил Мефодий. — Молился три дня, читал каноны. Но старец не уходил. И вот — вы.

Рената и Полина переглянулись. У обеих по спинам пробежал холодок — тот самый, какой бывает, когда случайность оказывается не случайной, а частью огромного, непостижимого замысла.

— Через нас спасётся род? — переспросила Полина. — Что это значит?

— Не знаю, — пожал плечами Мефодий. — Может, про то, что ты воеводского пса лечишь? А может, про что иное. Но раз Господь вас послал — значит, так надо. Я вас не выдам.

Он снова сел за стол и посмотрел на сестёр уже без прежнего подозрения — скорее с любопытством учёного, обнаружившего редкий, невиданный вид.

— Расскажите мне, — попросил он тихо. — О будущем. Какое оно? Жива ли Русь? Стоят ли ещё города?

Рената вздохнула. Этот вопрос она уже слышала — от Дмитрия, от Мелентия, от Ермолая. Вечный вопрос прошлого к будущему.

— Русь жива, — сказала она. — Она переживёт всё. И монголов, и войны, и смуты. Через восемь веков она будет больше, чем вы можете вообразить. Но многое из того, что вы знаете, погибнет. И этот город. Ярополч. Его сожгут.

— Когда? — спросил Мефодий глухо.

— Получается через пять лет. В тысяча двести тридцать девятом.

Отец Мефодий закрыл глаза. Полина увидела, как побелели костяшки его пальцев, сжимающих край стола.

— Пять лет, — прошептал он. — Вы для этого здесь? Чтобы предупредить?

— Мы не знаем, — честно ответила Полина. — Мы даже не знаем, как вернуться назад. Может быть, никак.

Мефодий долго молчал, глядя на огонь в светильнике. Потом кивнул каким-то своим мыслям.

— Хорошо, — сказал он. — Поживёте пока у меня. Места хватит. Завтра посмотрим, что там с Буяном. А там... Господь управит.

Он поднялся и пошёл стелить им постель на полатах — две овчины и старое, но чистое одеяло из овечьей шерсти. Рената и Полина молча смотрели, как он двигается по горнице — спокойно, размеренно, словно каждый его жест был частью давно заведённого ритуала.

Ночью, лёжа в темноте и слушая, как тихо молится у икон отец Мефодий, Полина прошептала сестре:

— Рената... он сказал — «через них спасётся род». Старец из сна... это Мелентий? Как думаешь?

— Не знаю, — тихо ответила Рената. — Может, Мелентий. Может, кто-то другой. Но, похоже, у нас здесь больше друзей, чем мы думали.

За окном, над деревянным городом, над семью холмами, над тёмной лентой Клязьмы, загорались первые звёзды. Город спал, не зная, что жить ему осталось пять лет. Спали его жители — кузнецы и гончары, дружинники и купцы, жёны и дети. Спал воевода, положив руку на тёплый бок старого пса. Спал отец Мефодий, у которого только что перевернулись все представления о мире.

И только две женщины из далёкого будущего не спали в эту ночь, глядя в темноту и думая о том, что принесёт им завтрашний день.

А где-то в детинце, у окна, воевода Григорий смотрел на звёзды и вспоминал сон, который преследовал его с двенадцати лет. Девочка со светлыми волосами снова приходила к нему сегодня ночью. «Дождался», — сказала она улыбаясь. И он впервые за долгие годы поверил, что это правда.

Глава 4: Та, что приходит во сне

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.